

На правах рукописи

ГРИЦЕНКО Елена Сергеевна

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО КОНСТРУИРОВАНИЯ ГЕНДЕРА

10.02.19 – теория языка

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Тамбов 2005

Диссертация выполнена в Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н.А. Добролюбова

Научный консультант - доктор филологических наук, профессор
Кирилина Алла Викторовна

Официальные оппоненты - доктор филологических наук, профессор
Стернин Иосиф Абрамович

доктор филологических наук
Бабина Людмила Владимировна

доктор филологических наук
Слышкин Геннадий Геннадьевич

Ведущая организация - **Российский государственный гуманитарный университет**

Защита состоится «15 декабря» 2005 года в 12.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.261.04 при Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина по адресу: г. Тамбов ул. Советская 93, ауд. 70.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина

Автореферат разослан «_____» октября 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

И.Ю. Безукладова

Реферируемая диссертация посвящена теоретическому обоснованию концепции языка как средства конструирования гендера и разработке взаимодополняющих моделей его описания на базе современных лингвистических теорий.

Вторая половина XX века ознаменовалась значительным расширением сферы интересов языкознания, чему предшествовала смена подходов к языку как объекту изучения. Язык стал трактоваться не как система «в себе и для себя», а как динамичный антропоориентированный феномен – орудие мышления, средство и деятельность общения, инструмент получения знаний о человеке, культуре и обществе. Это способствовало росту междисциплинарного компонента в лингвистических исследованиях, в рамках которого сформировалась и динамично развивается гендерная¹ лингвистика.

Современная наука определяет гендер как конвенциональный идеологический конструкт, в котором аккумулированы представления о том, что значит быть мужчиной и женщиной в данной культуре. Социальная природа гендера отличает его от пола, который представляет собой биологическую категоризацию, основанную главным образом на способности к воспроизводству. Начало разграничению этих понятий было положено известным тезисом Симоны де Бовуар, что женщинами не рождаются, а становятся: индивид формируется как тип личности, который в его/ее обществе и культуре определяется как «мужчина» или «женщина», в процессе социализации.

В современном понимании *гендер* – это не следствие индивидуальной биологии. Можно сказать, что это вообще не индивидуальное качество, а установленный обществом порядок, частью которого является каждый человек. Гендер отражает одновременно

---

¹ Термин «гендерный» используется в работе применительно ко всем этапам изучения полового диморфизма в языке, хотя реально он был введен в научное словоупотребление лишь в 1970-х гг.

процесс и результат «встраивания» индивида в социально и культурно обусловленную модель мужественности или женственности, принятую в данном обществе на определенном историческом этапе. Таким образом, с концептуальной точки зрения гендер акцентирует социально-культурную, а не природную доминанту пола.

Признание социальной и культурной обусловленности пола, его институционализованного и ритуализованного характера является основным методологическим принципом гендерных исследований. Он позволяет подойти к феноменам мужественности и женственности не как к неизменной природной данности, а как к динамичным, изменчивым продуктам развития человеческого общества, поддающимся социальному манипулированию и моделированию. Из признания названного методологического принципа следует обращение к анализу языка для выявления в нем манифестаций гендера, его динамики и культурной специфики.

Значительный вклад в осмысление гендерной проблематики в отечественном языкознании внесли А.В. Кирилина, В.Н. Телия, М.С. Колесникова, И.И. Халеева, О.С. Каменская, М.Д. Городникова, И.Г. Ольшанский и др., которые продемонстрировали, что гендерный подход позволяет точнее и четче учитывать человеческий фактор в языке. С учетом этого для антропоориентированного изучения языка была предложена двухъярусная модель, состоящая из метагендерного (общечеловеческого) и гендерного (манифестирующего пол) уровней.

В настоящее время гендерные исследования в российской лингвистике развиваются весьма интенсивно и ведутся в нескольких направлениях: изучение репрезентаций гендера, в том числе этнокультурной специфики концептов «мужественность» и «женственность», в системе языка – лексике, фразеологии, ономастике

(Телия В.Н., Зыкова И.В., Артемова А.В., Слышкин Г.Г., Григорян А.А., Кульдеева Г.И., Фатыхова Ф.Ф.); гендерная специфика вербального и невербального коммуникативного поведения (Стернин И.А., Крейдлин Г.Е., Карташкова Ф.И., Ганина В.В., Табурова С.К. и др.), отражение гендерных стереотипов в языковом сознании (Уфимцева Н.В., Кирилина А.В., Горошко Е.И., Ощепкова Е.С), лексикографии (Колесникова М.С., Ольшанский И.Г), рекламе (Томская М.В., Гуссейнова И.А., Городникова М.Д., Милосердова Е.В., Полубиченко Л.В.), средствах массовой информации (Кирилина А.В., Двинянинова Г.С., Серова И.Г., Гриценко Е.С.), криминалистике (Потапова Р.К., Кузниченко Л.В.), брачных объявлениях (Городникова, М.Д., Ольшанский И.Г., Максименко О.А., Гришаева Л.И.), Интернете (Захарова Т.Н.), художественном тексте (Савкина И.Л., Гречушникова Т.В., Иванченко Г.В., Фатеева Н.А.).

Накоплен солидный объем частных исследований, прямо или косвенно затрагивающих вопросы дискурсивных манифестаций гендера, однако полномасштабного обобщающего труда, рассматривающего процесс языкового конструирования гендера в комплексе всех его составляющих с позиций современных лингвистических теорий, пока не создано. Признание социальной природы гендера нередко остается на уровне деклараций: отсутствует четкое понимание различий между конструктивистским и эссенциалистским подходами. Отчасти это обусловлено поверхностным знакомством с логикой внутреннего развития предметной области «язык и гендер», которая в значительной мере определялась постмодернистским дискурсом, отсутствовавшим в российской лингвистике. Диссертационное исследование призвано восполнить этот пробел и предложить новые лингвистически ориентированные модели для изучения взаимодействия языка и гендера в социальной практике.

Актуальность работы определяется ее включенностью в одно из перспективных направлений антропоориентированного изучения языка – лингвистическую гендерологию – и связана с назревшей необходимостью теоретического осмысления ряда проблем, которые – несмотря на интенсивное развитие гендерных исследований в отечественном научном дискурсе – не получили должного освещения. Это, прежде всего, недостаточная разработанность методологических вопросов, связанных с ролью языка как средства *конструирования* гендера, и применение *лингвистических* теорий и методов к изучению данного процесса. Работа выполнена в русле когнитивно-коммуникативной парадигмы лингвистических исследований, открывающей новые возможности для изучения языка и гендера.

На современном этапе изменился фокус анализа социокультурной специфики пола. Сегодня речь идет не о том, как пол влияет на коммуникативное поведение и использование языка, а о том, какими средствами располагает язык для конструирования гендера, в каких коммуникативных ситуациях, типах дискурса и с какой интенсивностью оно совершается, какие экстра- и интралингвистические факторы влияют на этот процесс. Особого внимания требуют практически не изученные механизмы имплицитной передачи гендерных смыслов, являющиеся основным способом конструирования гендера в дискурсе. Важным с теоретической точки зрения является обоснование стилистического подхода к конструированию гендерной идентичности. В связи с современным пониманием гендера как компонента коллективного и индивидуального сознания, конструируемого средствами языка, есть настоятельная необходимость в осмыслении данного феномена с позиций когнитивной науки.

Предмет диссертационного исследования – системноязыковые, дискурсивные и когнитивные механизмы конструирования гендера и способы их лингвистического описания.

Объектом изучения являются продукты дискурсивных практик – устные и письменные тексты различных жанров и регистров, а также фрагменты номинативной системы языка, отражающие в типизированной форме культурные представления о мужественности и женственности и служащие фоном для конструирования гендера в дискурсе. В центре внимания находится манифестация гендерных стереотипов в русском языке; для сравнения привлекается материал английского и ряда других языков.

Целью исследования является разработка теоретической базы для моделирования процессов языкового конструирования гендера с позиций когнитивного, прагматического и стилистического подходов и применение разработанных теоретических принципов к изучению взаимодействия языка и гендера в социальной практике.

В соответствии с общей целью, в исследовании поставлены следующие **задачи**:

1. Проанализировать становление гендерной лингвистики в контексте общего развития науки о языке и постмодернистской эпистемы в социальных науках.
2. Изучить методологию и различные подходы к интерпретации результатов «ранних» гендерных исследований в лингвистике; обосновать принципы современного подхода с опорой на понятия «конструирование» и «практика».
3. Рассмотреть феномен конструирования гендера с позиций современных лингвистических теорий (когнитивных, стилистических, прагматических). На основе аналитического осмысления существующих подходов и исследовательских

процедур предложить лингвистически ориентированные и имеющие достаточную объяснительную силу модели представления гендера как социокультурного конструкта.

4. Дать когнитивное обоснование перформативности и конструируемости гендера как компонента коллективного и индивидуального сознания и описать ментальные модели организации гендерных знаний.
5. Раскрыть роль стереотипов (важнейшего операционального понятия гендерных исследований) в концептуализации мужественности и женственности как культурных категорий; показать значимость имплицитной гендерной стереотипизации и образных механизмов мышления в процессах языкового конструирования гендера.
6. На основе сформулированных в ходе теоретического осмысления проблемы принципов разработать и апробировать исследовательскую процедуру по выявлению общих закономерностей и дискурсивно специфичных форм языкового конструирования гендера в социальной практике.

Специфика объекта изучения, комплексность цели и задач диктует необходимость применения разнообразных методов и исследовательских эвристик.

Теоретическую базу исследования составили концепция Г. П. Грайса, обосновывающая понимание имплицатур как особого типа значения, и теория релевантности Д. Шпербера и Д. Уилсон, объясняющая универсальные (когнитивные) принципы интерпретации высказывания; стилистическая концепция Ю.М. Скребнева; когнитивная теория категоризации (Дж. Лакофф, Г. Пальмер, Р. Лангакер); концепция языка и дискурса как формы социальной практики (Н. Фэрклоу, П. Бурдые); современные лингвистические теории гендера, стоящие на позициях социального конструктивизма (П. Экерт, С. МакКоннел-Джине, Д.

Камерон и др.) и положение о двухъярусной модели антропоориентированного изучения языка (А.В. Кирилина). В работе используются методы когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и прагматики, социальной семиотики, интеракционистской (социо)лингвистики и дискурс-анализа. Анализ материала ведется с применением методик моделирования (схематизации), индуктивного метода, семантического анализа, прототипического описания, метода интроспекции, анализа словарных дефиниций, ассоциативного эксперимента, исследования синтагматических связей и дистрибуции, контрастивного анализа, интерпретации текста с элементами стилистического анализа и др. Основой для обработки результатов является герменевтический (когнитивно-интерпретативный) методологический фрейм.

Материал исследования отбирался в ходе фронтального анализа печатных СМИ (газеты «Известия», «Ведомости», «Коммерсант», «Аргументы и факты», «Московский комсомолец», «Биржа», The New York Times, The Washington Post, Newsweek и др.), телевизионных и радиопрограмм, ток-шоу, интервью, теледебатов, материалов предвыборных блогов и Интернет-форумов. Общий корпус примеров, полученных методом частичной выборки, составил более 8,5 тыс. текстовых фрагментов и 350 завершенных авторских текстов. На разных этапах исследования к анализу также привлекались выборки из лексикографических источников, научной и популярной литературы о гендере на русском и английском языках.

В результате исследования сформулированы и **выносятся на защиту** следующие теоретические положения:

1. Языковое конструирование гендера представляет собой когнитивную деятельность имплицитивно-инференционного характера, в основе которой лежит соотнесение языковых форм/сигналов с гендерными

представлениями (ассоциациями, стереотипами, идеалами и пр.), являющимися частью универсума общих смыслов представителей данной культуры. Язык, отражая и формируя представления о гендере, играет двоякую роль – неосознаваемого фона, фиксирующего гендерные стереотипы, идеалы и ценности посредством аксиологически не нейтральных структур языка, и инструмента, дающего возможность (вос)производства гендерных смыслов в социальной практике.

2. Лингвистическое описание гендера как конвенционального идеологического конструкта может вестись в рамках двух моделей: когнитивно-прагматической, объясняющей механизм конструирования гендерных смыслов в аспекте их порождения и интерпретации, и стилистической, ориентированной на выявление и описание «поверхностных» языковых составляющих гендерного дисплея (набора семиотических маркеров мужественности и женственности).
3. Механизмы конструирования гендера в разных языках обнаруживают как изоморфизм, так и специфику, которая может быть связана с характерологическими особенностями языков и с различием транслируемых ими культурных смыслов. Смысл неотъемлем от культурно-исторической ситуации, в которой происходит его производство и интерпретация. Социальные нормы, частью которых являются нормы гендерные, функционируют как прагматические пресуппозиции, без которых невозможна адекватная интерпретация.
4. Трактовка гендера как социокультурного феномена базируется на прототипической теории категоризации, где категории не заданы природой вещей, а формируются в процессе осмысления человеком мира и себя в этом мире. Когнитивной основой понимания мужественности и женственности как динамичных конструктов, поддающихся социальному манипулированию и моделированию,

являются кластерные модели, определяющие набор культурно обусловленных манифестаций мужественности и женственности в том или ином языке.

5. Знания о гендере структурированы в форме пропозиций, включающих базовые концепты и атрибутируемые им признаки. Значения, задаваемые гендерными пропозициями, не находятся в отношениях семантической близости; их объединяет соотнесенность с единым центром – представлением о женственности (мужественности), характерным для данной культуры. Этот способ категоризации репрезентируют радиальные модели, состоящие из центрального члена и вариантов, связь между которыми конвенциональна и усваивается индивидом в процессе социализации. Особенностью мужественности и женственности как радиальных концептуальных категорий является то, что их центральные члены не существуют вне своих проявлений (вариантов): нет мужественности и женственности в чистом виде, гендерная идентичность конструируется в процессе перформации теми самыми проявлениями, которые считаются ее результатами.
6. Важной частью фонового аспекта языка как средства конструирования гендера являются денотативные и коннотативные (ценностные) асимметрии, исторически обусловленные социальным разделением труда и/или сконструированные сознанием. Проявлением гендерной асимметрии является «стирание» субкатегории по умолчанию (немаркированной мужской субкатегории) в категориях с ложными родовыми именами, демонстрирующее связь между понятиями «асимметрия», «маркированность» и «прототипический эффект».
7. Роль языка как инструмента дискурсивного конструирования гендера отражена в понятии позиционирования. Гендерно релевантным может быть (само)позиционирование, позиционирование адресата и предмета сообщения. Лингвистические ресурсы гендерного позиционирования

включают единицы всех уровней. Смыслообразующая функция гендерной символики языковых форм обусловлена ее интертекстуальным характером, реализующимся в создании системы внутри- и внетекстовых связей, определяющих культурную традицию, в пределах которой осуществляется интерпретация текста и создается его вертикальный контекст.

Научная новизна исследования определяется новым подходом к решению поставленных задач и заключается в следующем:

- Впервые предпринята попытка моделирования процессов языкового конструирования гендера на базе современных лингвистических теорий, в результате чего для его лингвистического описания предложены две модели: когнитивно-прагматическая и стилистическая.
- Язык как средство конструирования гендера впервые анализируется с позиций прототипической теории категоризации и когнитивного подхода.
- Впервые систематизированы асимметричные отношения в гендерной категоризации и описан феномен «стирания» немаркированной категории как фактор асимметрии.
- Раскрыта роль имплицитной информации в конструировании гендера; получены новые данные о способах создания контекстуальных гендерных импликатур.
- Впервые в отечественной и зарубежной лингвистике теория языкового конструирования гендера подкреплена и конкретизирована исследовательской процедурой, позволившей описать механизмы и репертуар языковых средств такого конструирования в предвыборном дискурсе.

Теоретическая значимость работы связана с углублением и систематизацией научных представлений о языке как средстве

конструирования гендера. Обоснована концепция (теория) языкового конструирования гендера как когнитивной деятельности имплицитивно-инференционного характера, в основе которой лежит соотнесение языковых форм с гендерными представлениями, являющимися частью универсума общих смыслов представителей данной культуры. На основе предлагаемой теории разработаны и апробированы взаимодополняющие модели изучения языкового конструирования гендера; дано когнитивное обоснование перформативности гендера и множественности его проявлений. Показано, что роль стереотипов в гендерной категоризации определяется их когнитивным прототипическим статусом. Установлена связь между понятиями «маркированность», «асимметрия» и «прототипический эффект». Раскрыта роль языка как инструмента и фона конструирования гендера в социальной практике. Полученные результаты являются вкладом в дальнейшее развитие антропоориентированного изучения языка, лингвокультурологию, гендерную теорию, теорию коммуникации.

Практическая ценность работы определяется возможностью использования ее результатов, разработанных в диссертации теоретических принципов и аналитических моделей при изучении языкового конструирования гендера в различных языках и социальных контекстах, а также в теоретических курсах по общему языкознанию, лексикологии, стилистике, межкультурной коммуникации, спецкурсах по гендерной проблематике в филологических и лингвистических вузах. Предложенные методологические подходы и исследовательские процедуры могут найти применение при написании курсовых, дипломных и диссертационных работ.

Достоверность выводов, сделанных в работе, обеспечивается применением комплексной методики исследования, проработанностью обширного теоретического материала по рассматриваемой проблематике,

глубиной и многоаспектностью проводимого анализа, а также репрезентативным языковым материалом.

Апробация материалов исследования. Основные результаты исследования были изложены в российских и зарубежных публикациях общим объемом 28,8 п. л., в том числе в монографии «Язык. Гендер. Дискурс» (15,57 п.л.), а также апробированы в докладах на XIV Мировом конгрессе прикладной лингвистики (Мэдисон, США 2005), международных и российских научных конференциях в Москве (2003, 2005), Нижнем Новгороде (2001; 2002; 2003; 2005); Санкт-Петербурге (2005), Набережных Челнах (2002), Амстердаме (2001), Ульяновске (2000); на семинарах Лаборатории гендерных исследований Московского государственного лингвистического университета (2002, 2003), Скребневских чтениях (Нижний Новгород 2003, 2005) и заседаниях кафедры английской филологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Материалы диссертации легли в основу курса «Социолингвистика гендера», прочитанного студентам IV и V курсов Нижегородского государственного лингвистического университета (2003 – 2004 гг.), а также использовались при чтении курсов лекций по стилистике и межкультурной коммуникации в НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. Ряд подходов и методов, разработанных в диссертации, получили апробацию в курсовых, дипломных и диссертационных работах студентов и аспирантов НГЛУ.

Объем и структура работы. Диссертация, выполненная на 405 страницах машинописного текста, состоит из введения, 5 глав, заключения, списка использованной научной литературы, включающего 388 наименований научных трудов, из них 173 на русском и 215 на иностранных языках, списка источников фактического материала и списка словарей.

Во *Введении* определяются объект и предмет исследования, обосновываются его актуальность и научная новизна, формулируются цель и основные задачи, указываются методологические основы и методы, излагаются положения, выносимые на защиту, раскрывается теоретическая значимость работы, приводятся сведения об апробации положений диссертации, обосновывается ее структура.

В первой главе рассматривается становление гендерной лингвистики в контексте общего развития науки о языке и постмодернистской эпистемологии в социальных науках. Комплекс факторов, способствовавших формированию данного научного направления в том виде, в котором оно существует сейчас, представлен через призму структуралистской, когнитивной и социокультурной традиций.

Вторая глава посвящена критическому осмыслению «ранних» гендерных исследований и обоснованию современного подхода, который ставит во главу угла отказ от универсализации, акцентирует взаимодействие гендера с другими аспектами социальной идентичности и необходимость изучения конкретных лингвистических практик. Здесь раскрываются ключевые для современного подхода понятия «конструирование» и «практика» и дается обзор работ, иллюстрирующих практическое применение изложенных теоретических принципов.

В третьей главе рассматривается комплекс вопросов, связанных с методологией изучения языкового конструирования гендера и применением современных лингвистических теорий (когнитивных, прагматических, стилистических) к изучению данного процесса. Понятие «конструирование гендера» получает лингвистическое наполнение. Обосновывается концепция языка как фона и инструмента конструирования гендера и предлагаются взаимодополняющие лингвистические модели его описания.

В четвертой главе анализируется роль языка как фона конструирования гендера с позиций теории категоризации и когнитивного подхода. Это способствует более полному описанию пассивного слоя и внутренней формы культурных концептов мужественности и женственности. Раскрывается роль опыта и образных механизмов мышления в гендерной категоризации, описываются ментальные схемы представления знаний о гендере, разрабатывается типология асимметричных отношений в гендерной категоризации, описывается феномен стирания немаркированной (суб)категории как фактор асимметрии.

В главе пятой представлена исследовательская процедура, основанная на методологических принципах, сформулированных в ходе теоретического осмысления проблемы. Роль языка как инструмента конструирования гендера раскрывается на материале предвыборного дискурса. Описываются гендерные аспекты позиционирования читателя (избирателя), метафорическое структурирование политики и выборов как «мужской» сферы, роль гендерных стереотипов в конструировании мужского и женского «голоса» в предвыборном дискурсе. Анализируются гендерно релевантные стратегии агитации и дискредитации; рассматривается лингвистическая составляющая семиотических конструкторов мужественности и женственности, отражающих культурно, социально и исторически детерминированные представления о гендере.

Заключение отражает суммарные теоретические итоги проведенного исследования.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Исследование проводилось в пять этапов, каждому из которых структурно соответствует одна глава.

На **первом этапе** выявлено, что гендерная лингвистика, как новое направление в изучении языка, возникла не в результате подъема феминистского движения, а развивалась в контексте актуальных для своего времени научных парадигм и традиций.

Современные представления о языке и гендере формировались в русле (пост)структурализма, опирающегося на постулаты знаковой теории Ф. де Соссюра. Помимо ключевых понятий «оппозиции» и «маркированности», важным для гендерной лингвистики является тезис Ф. де Соссюра о конвенциональности концептуальной системы, которая познается индивидом в процессе изучения языка. На нем фактически основан тезис об андроцентричности языковой картины мира и возможности иного осмысления социальной реальности. Развитие семиотики Соссюра в трудах Э. Бенвениста и Р. Барта заложило базу для осознания культурно-символической составляющей гендера и изучения способов ее языковой реализации.

Структурализм, с одной стороны, способствовал эссенциалистским представлениям о гендере: оппозиционное позиционирование мужского и женского профилирует имманентный характер гендерных различий. С другой стороны, идея Ф. де Соссюра о релятивности языковых значений, которые определяются не отношениями знаков с внешним миром, а внутрисистемными противопоставлениями, стала базой для дерридеанской деконструкции, в которой самодостаточность мужского субъекта (и, соответственно, его право на привилегированное положение в системе) объявляется фикцией, поскольку он определяется через свой противочлен – женский субъект. Труды Ж. Дерриды, Ж. Лакана и М. Фуко заложили основу представлений о языке как средстве конструирования социального мира, в котором даже природные (биологические) сущности, такие как пол, контролируются с помощью дискурсивных практик. Их идеи стали фундаментом для нового

направления лингвистических исследований – критического изучения языка (частью которого является феминистская критика языка) или критического дискурс-анализа. Целью данного направления является анализ лингвистической составляющей социальных интеракций для выявления скрытых намерений и интересов в системе социальных отношений и результатов их воздействия на эту систему. Его представители (Н. Ферклоу, Т. ван Дейк, Р. Водак и др.) рассматривают язык как сферу экспликации постоянного противостояния различных социальных интересов (классовых, расовых, этнических, гендерных и др.) и видят свою задачу в выявлении и изучении на материале устных и письменных интеракций социальных причин и последствий манипулятивного и дискриминационного использования языка.

Решение названных задач потребовало переосмысления структуралистской концепции языка, отказа от изучения системы вне социального и культурного контекста. На смену сосюрговской дихотомии *langue* и *parole*, с акцентом на изучении системы, а не ее реализации, пришло понимание языка как дискурса, как социальной практики, которая, будучи детерминирована социальными структурами, одновременно создает и воспроизводит их. Подверглись ревизии и другие принципы структурной лингвистики, в частности, признание социальной детерминированности системы языка, но не ее речевых проявлений. Последнее было недвусмысленно опровергнуто результатами социолингвистических исследований, показавших, что языковая вариативность не является продуктом индивидуального выбора, а связана с параметрами социальной идентичности коммуникантов (возраст, статус, образование, гендер), социально обусловленными целями и контекстом (ситуацией) общения.

Основная цель критического изучения языка – анализ явных и неявных структурных отношений доминирования, дискриминации, власти

и контроля, выраженных в языке – буквально совпадает с проблематикой лингвистических исследований, артикулирующих проблему языкового неравенства женщин и мужчин, характерных для первых двух этапов в исторической периодизации гендерных исследований: «алармистского» (разоблачение традиционной патриархатной идеологии) и этапа «феминистской концептуализации» (формирование феминистских направлений в социальных науках в рамках постмодернистской теории). Современный, «постфеминистский» этап (который характеризуется появлением «мужских» исследований и отказом от универсальных гендерных категорий), не отрицая, что конструирование гендерной идентичности и отношений происходит в рамках господствующей андроцентричной идеологии, где женский субъект отстранен от власти, исходит из того, что идеология гендерных различий не сводится к вопросу доминирования и не навязана женщинам мужчинами. Мужчины и женщины конструируют свою субъективность (понимание себя) в пределах ограничений, накладываемых дискурсивными практиками, и строят свои желания и действия в сознательном сопротивлении или согласии с этими ограничениями.

Влияние когнитивной традиции на развитие гендерной лингвистики связано с экспликацией ментальных механизмов (когнитивных способностей), участвующих в процессах языкового конструирования гендера – категоризация, перцептивная организация «фигура – фон», ментальная образность и конструирование, инференции, автоматизм, концептуальные архетипы, социальное поведение и пр. Для понимания гендера как дискурсивного конструкта и его лингвистического анализа важен вклад когнитивной традиции в разработку проблемы значения, акцентирующий активную природу понимания и возможность создания значений (смыслов) в процессе их интерпретации участниками коммуникации.

Системное изучение языка и гендера началось в антропологии и социолингвистике, в центре внимания которых находятся человек и культура, язык и общество. Многие «ранние» исследования (1970 – 1980 гг.) носят ярко выраженный идеологический и полемический характер: их целью является разоблачение гендерного неравенства и патриархатных стереотипов. Экспликация «сексизма» в языке (обоснование андроцентричности языковой картины мира) базировалась на радикальном прочтении гипотезы лингвистической относительности Сепира – Уорфа, осмысленной через призму философии постструктурализма и социологических теорий социального доминирования. На основе синтеза этих теорий сформировались идеологические и методологические основы феминистской лингвистики и ее постулаты об определяющем влиянии языка на восприятие и мышление, мужском контроле над языком и «отчуждении» женщин от языка («замалчивании» женского опыта). Идея неодинаковой степени андроцентричности языков и культур на ранних этапах развития гендерной лингвистики не рассматривалась и была сформулирована позднее в работах отечественных ученых.

Наряду с исследованиями, направленными на раскрытие мировоззрения путем анализа структур языка (Д. Спендер, М. Дейли, Ч. Крамери), активно велось изучение гендерных аспектов вербального поведения, характерного для определенных культур или субкультур, выявление закономерностей и норм, регулирующих речевые события (Д. Хаймс, П. Браун, Д. Джоунс, Э. Охс, М. Дж. Хардман и др.).

Первые исследования гендера как социального параметра, влияющего на использование языка, проводились в рамках квантитативно-коррелятивного подхода (У. Лабов, П. Траджил и др.). Определялись лингвистические переменные, получающие различную реализацию; затем различные варианты соотносились с

социопараметрами говорящего. Данный подход критиковался, в частности, за игнорирование вариантивности внутри гендерных групп. Мужская и женская модели употребления языка противопоставлялись по принципам власти (доминирования в общении), правильности, вежливости и т.п. Гендерные различия вербального поведения трактовались как отражение социальной роли и результат(продукт) процесса социализации. Вместе с тем, уже на этом этапе отмечалось, что многие речевые особенности могут определяться не собственно полом говорящего, а ситуацией на рынке труда, силой внутригрупповых социальных связей, психологическими факторами или иными особенностями ситуации общения (П. Николс, Л. Милрой, Б. Томас, Дж. Чешир).

Бурное развитие гендерной лингвистики в 1970 – 80-х гг. связано с изучением так называемого «женского языка». Толчком к интенсивным социолингвистическим исследованиям в этом направлении стала работа Робин Лакофф, которая показала, как речь женщин отражает и (вос)производит их подчиненное положение в обществе. Используя в качестве основных методов наблюдение и лингвистическую интуицию, Лакофф выделила несколько отличительных признаков женского языка - специализированный словарь, связанный с женскими сферами деятельности и интересов; более точные, детализированные цветообозначения – *mauve, lavender, aquamarine* / *розовато-лиловый, лавандовый, аквамаринный*; аффективные прилагательные, используемые для выражения эмоционального отношения, а не денотативной информации (*adorable, divine, lovely* / *милый, божественный, очаровательный*); слова-интенсификаторы («Fred is so sick» / «Фред так болен»); разделительные вопросы, которые, по мысли Лакофф, имплицитно выражают неуверенность женщины при выражении собственного мнения и т.п. Каждый из этих признаков стал впоследствии

предметом эмпирического анализа в многочисленных социолингвистических исследованиях. Главным результатом экспериментальных «проверок» гипотезы Лакофф стало осознание полифункциональности большей части выделенных ею параметров.

Дальнейшее развитие предметной области «язык и гендер» определялось влиянием актуальных научных направлений – этнолингвистики, прагматики, лингвокультурологии. Проблематика гендерных исследований включала, в частности, анализ асимметричных моделей прерывания и контроля над темой разговора (К. Уэст и Д. Циммерман, П. Фишман, В. ДеФрансиско), выявление гендерных асимметрий в стратегиях вежливости (П. Браун, Дж. Холмс, М. Дучар); изучение гендерных особенностей коммуникативного стиля, проблемы взаимного непонимания и «сбоев» в общении (Д. Молц и Р. Боркер, М.Х. Гудвин, Д. Таннен, Дж. Коутс, D. Vohler) и т.д. Социолингвистические исследования речевого поведения мужчин и женщин не только углубили знания о гендере, но и обеспечили «приращение» собственно лингвистического знания. Учет гендера как социопараметра – наряду возрастом, статусом, этнической принадлежностью – расширил представления о характере и причинах языковой вариативности, особенностях речевого поведения, межличностной и межкультурной коммуникации, специфике конкретных речевых актов (комплимент и др.) и жанров (интервью и др.). Был создан описательный аппарат доминирования в коммуникации, внесены уточнения в условия соблюдения принципа кооперации, выявлены новые аспекты понятия коммуникативной неудачи, такие как прерывание говорящего, невозможность завершить высказывание, утрату контроля над темой разговора и ряд других параметров.

Вместе с тем многие из упомянутых исследований страдали методологическим заблуждением, суть которого заключается в том, что

их выводы, будучи сделаны на конкретном, узком материале, получили глобальное толкование и фактически стали приписываться всем мужчинам и женщинам. Неправомерность такого подхода становилась очевидной по мере ухода от глобальных трактовок мужественности и женственности и осознания их как многомерных динамичных конструктов, поддающихся социальному манипулированию и моделированию.

На **втором этапе** работы эволюция гендерных исследований в лингвистике анализировалась с точки зрения их методологии.

Признание динамичной контекстуальной природы языковых значений заставило критически переосмыслить результаты «ранних» исследований языка и гендера, где гендерная идентичность «считывалась» с лингвистических форм. Интерпретация результатов этих исследований проводилась в рамках конкурирующих идеологических парадигм (дефицитность, доминирование, различие), анализ которых продемонстрировал, что осмысление эмпирических данных в социальных науках может происходить на основе идеологически ориентированных предпочтений, включая мнения и убеждения о «естественном» характере гендерных различий в профессиональной деятельности, бытовом общении и иных сферах коммуникации.

Исследование показало, что для большинства работ 1970 – 80-х гг. характерно не только эссенциалистское понимание мужественности и женственности как набора внутренне присущих индивиду черт (данных природой или сформировавшихся в процессе социализации), но и упрощенное понимание гендерного доминирования, недооценка роли контекста в создании гендерных смыслов, игнорирование социальных причин и следствий гендерных различий в коммуникации и абсолютизация дихотомии «мужское – женское».

Наиболее существенными методологическими заблуждениями, ведущими к (вос)производству «научных» стереотипов о языке и гендере являются амплификация статистически незначительных результатов, универсализация (обобщение результатов конкретных, узконаправленных исследований и вывод их за пределы экспериментального контекста), а также анализ гендера в отрыве от других аспектов социальной идентичности, таких как возраст, статус, этничность и др.

Осознанию и преодолению этих недостатков способствовали дискурсивный и перформативный «повороты» в лингвистическом изучении гендера. Первый характеризовался уходом от соотнесения языковых форм (слов, фонем, грамматических конструкций и пр.) с социальными группами говорящих и переключением внимания на гендерные аспекты дискурса, что акцентировало исторический и динамический аспекты языка, а также интерактивный характер его использования. «Дискурсивный поворот» не означает игнорирования языковых единиц (фонем, слов), но требует, чтобы они рассматривались с учетом функций, выполняемых ими в конкретной ситуации общения. При этом предполагается, что сами единицы не являются застывшими и неизменными. «Перформативный поворот» означает новое понимание гендерной идентичности, осознание того, что гендер – это не то, что индивид *имеет*, а то, что он/она *делает*. С этой точки зрения, гендер не просто существует, а постоянно производится, воспроизводится, а также меняется в результате конкретных действий индивидов, заявляющих свою идентичность, признающих или оспаривающих идентичность других, поддерживающих или выступающих против определенных систем гендерных отношений, привилегий, идеологий.

«Перформативный поворот» в исследованиях языка и гендера побудил многих ученых переосмыслить знакомые категории «мужчина» и «женщина» и обратиться к изучению того, как гендерные идентичности

(традиционные и противоречащие привычным нормам) конструируются в конкретных языковых перформациях. «Мужские» и «женские» языковые формы, таким образом, отделяются от реальных мужчин и женщин и осознаются как лингвистические ресурсы конструирования гендера в социальной практике.

Методологически такое смещение акцентов обусловило переход от масштабных количественных исследований, соотносящих те или иные языковые маркеры с полом, к изучению конкретных лингвистических практик (локальных исследований в виде небольших описаний совместной деятельности людей)², что, однако, не означает, что изучение гендера в целом приносится в жертву анализу отдельных его проявлений. Динамика микроуровневых коммуникативных интеракций делает понимание глобальной картины более точным и полным. При этом исследователи не исходят ни из константных различий между мужскими и женскими стилями, ни из того, что язык является важнейшим фактором регулирования общения. В центре внимания находится вопрос о том, как различаются механизмы приписывания значения в конкретных ситуациях общения и какие нюансы вносит гендер в этот процесс. Гендер, в свою очередь, трактуется как опосредованно развивающаяся категория, интегрированная в формирование других аспектов социальной идентичности.

Анализ теоретических и методологических принципов современных гендерных исследований, проведенный в работе, позволил условно разделить их на две группы. В рамках первого подхода язык (гендерно специфичное вербальное поведение) является частью социальной (гендерной) роли, т.е. гендер, как социальная категория, предшествует ее языковому выражению. В рамках второго подхода гендер трактуется как

---

² Теоретическое обоснование данного подхода (communities of practice) дано в работах П. Экерт и С. МакКоннел-Джине.

продукт дискурса, т.е. признается, что язык не индексирует гендерную идентичность, а создает (конструирует) ее.

Причина названных методологических расхождений связана с различным пониманием отношений между гендером и полом. Исследователи выделяют три парадигмы в концептуализации данных категорий (речь идет об имплицитных допущениях, которые являются основой для изучения и интерпретации данных).

В рамках первого подхода (парадигма соответствия – *homology*) гендер трактуется как социально опосредованное выражение биологического пола. Индивиды «усваивают» мужской или женский тип поведения (в том числе вербального) в зависимости от того, к какой биологической категории они были отнесены по рождению.

Во втором подходе (парадигма аналогии – *analogy*) гендер символизирует пол. Гендерная идентичность в рамках данного подхода базируется на коллективном опыте существования в качестве члена социальной группы «мужчина» или «женщина», т.е. принятии определенных гендерных ролей, чтобы соответствовать культурным ожиданиям.

В рамках третьего подхода (парадигма неоднородности – *heterogeneity*) мысль о том, что пол является в каком-то смысле основой гендера, признается идеологической фикцией. По мнению его сторонников, неправомерно считать, что мир «естественным образом» поделен на две группы, мужчин и женщин. Это деление произведено исторически, чтобы узаконить социальную гендерную иерархию. Речь не идет об отрицании полового диморфизма, а лишь о том, что биологические различия приобретают значимость, когда по социальным, экономическим и политическим причинам они становятся основой для классификации людей и их включения в определенные иерархии (по аналогии с классовыми или расовыми различиями).

Очевидно, что исследователи, трактующие гендерно специфичный язык как часть социальной роли, стоят на позициях парадигмы аналогии. К парадигме неоднородности тяготеют исследователи, считающие гендер продуктом языковых перформаций, представители этнометодологической традиции и теории символического интеракционизма.

Задачей **третьего этапа** исследования стала оптимизации способов лингвистического описания гендера как «воспроизводящегося исполнения» (К. Уэст) с позиций филологической герменевтики, в рамках существующих лингвистических теорий и терминосистем.

Моделирование процессов речемыслительной деятельности, связанной с конструированием гендера, позволило предложить для его лингвистического описания два подхода: *когнитивно-прагматический*, объясняющий механизм конструирования гендерных смыслов в аспекте их порождения и интерпретации, и *стилистический*, ориентированный на выявление и описание «поверхностных» языковых составляющих гендерного дисплея.

В основе первой модели лежит идея об импликатурах как особом типе значения, создаваемом путем умозаключений коммуникантов о том, что каждый имеет в виду под тем, что говорит. Теоретической базой данной модели стали теория языковых значений Г. П. Грайса и теория релевантности Д. Шпербера и Д. Уилсон, объясняющая универсальные (когнитивные) принципы интерпретации высказывания.

Роль импликаций в конструировании гендера обусловлена тем, что связь между использованием определенного языка и конструированием определенного вида гендерной идентичности обычно носит опосредованный характер. Гендер индексируется путем употребления языковых форм, символизирующих роль (мать, солдат) или качество (скромность, сила). Наделение лингвистических форм значением социально и ситуативно обусловлено. «Узнавание» получателем речи

коммуникативного намерения отправителя возможно благодаря консенсусу в языковом сообществе относительно того, что может означать данный языковой знак в определенной ситуации и/или культуре.

Одна и та же форма может передавать несколько разных смыслов, которые нередко «выводятся» с учетом пола говорящего. Поскольку всякое понимание согласуется не только с интенцией отправителя, но и с установкой получателя, гендерно релевантные смыслы могут передаваться и непреднамеренно, т.е. восприниматься независимо от того, хотел ли этого говорящий.

Смысловые импликатуры дифференцируются на культурные (ориентированные на владение нормами общения и общими знаниями о культурной традиции) и прагматические (определяемые характером взаимоотношений между коммуникатами, их статусом, интенциями); пропозициональные (вербализуемые предложением) и субъективно-модальные (смягчение, категоричность и т.п.). Источником имплицитной гендерной информации могут быть единицы всех уровней языка: фонетического (просодия), морфологического, лексического (эмоциональные, оценочные, ассоциативные (со)значения слов) и синтаксического (актуализация языковых форм в контексте).

Необходимой частью обработки импликатур и экспликатур высказывания является выбор контекста, который не задан заранее, а конструируется в момент интерпретации с опорой на различные источники – лингвистическое окружение, визуальные образы, культурные знания, социальные нормы, фреймы, сценарии, стереотипные ситуативные типы, установки/мнения коммуникантов. Последние являются частью когнитивной среды (картины мира) как непрерывно конструируемой и модифицируемой системы данных (представлений, мнений, установок), включающей не только непосредственные знания индивида об окружающем мире, но и потенциально допустимые

умозаключения, которые могут быть сделаны на их основе. При предъявлении гендерно релевантной языковой формы (или невербального сигнала), лингвистические и культурные знания о гендере «извлекаются» из памяти, становясь частью контекста интерпретации. Релевантность в данном случае предполагает способность активизировать ассоциации и представления, связанные с гендером.

Таким образом, ставя во главу угла анализ отношений между использованием языка, пользователем и контекстом, когнитивно-прагматическая модель создает оптимальные условия для представления гендера не как имманентной природной данности, а как динамичного, ситуативно и контекстуально обусловленного культурного конструкта. В данной модели мужчины и женщины различаются не тем, как они говорят/рассуждают, а тем, из каких посылок они исходят с своих рассуждениях, т.е. речь идет о том, какие позиции/роли принимают коммуниканты и как эти роли связаны с гендером.

Описание языкового конструирования гендера в рамках стилистической модели предполагает (а) соотнесение групповых и/или индивидуальных языковых практик со стереотипными представлениями о мужской и женской речи, и (б) исследование стилистических перформаций отдельных личностей и/или групп с позиций конструирования гендерной идентичности. В первом случае гендерно значимые особенности стиля могут рассматриваться безотносительно к полу участников; во втором – объектом анализа становятся речевые практики конкретных мужчин и женщин.

Теоретическим обоснованием существования наряду со стереотипно постулируемой дихотомией «мужского» и «женского» стилей потенциально открытого числа вербальных манифестаций гендера служит тезис о количественной неопределенности субъязыков в языке (Ю.М. Скребнев), признающий право исследователя на собственное

членение (структурирование) языковой материи в соответствии с поставленной научной задачей.

Концепция субъязыков как арбитральных установлений не противоречит традиционной концепции стилей и мотивирует нередко наблюдаемое выделение системы стилей по логически несовместимым параметрам. Она создает методологическую основу для ведущегося зарубежными и отечественными учеными поиска лингвистических манифестаций не «мужественности» и «женственности» в единственном числе, а «мужественностей» и «женственностей» во множественном.

Определение стиля как абсолютно специфической области субъязыка (определенным образом упорядоченной и соотнесенной с внеязыковой реальностью совокупности языковых единиц и моделей их употребления) ведет к полезному с точки зрения исследовательской практики выводу о том, что под вербальным стилем понимается не все, что говорит индивид, а отличительные особенности его/ее речи. Положение о недискретности/пересекаемости субъязыков (и стилей) показывает, что полифункциональность лингвистических единиц не является препятствием для изучения их гендерной специфики в конкретном контексте (ситуации общения), в том числе в случаях манипулятивного использования гендерно маркированных форм (моделей) в процессе стилизации – принятии/присвоении «голоса» сигнализирующего идентичность Другого.

Гендерно релевантные манифестации стиля многообразны; они возникают в социальной практике и связаны с ней. При этом речь идет не о едином, обусловленном полом, варианте языка, а о соотнесении языковых форм (элементов вербального поведения) с их социально обусловленным значением.

Следует подчеркнуть, что выделение двух моделей описания (когнитивно-прагматической и стилистической) в значительной мере

условно и преследует цель показать, в каком направлении может вестись изучение языкового конструирования гендера и как могут быть представлены его результаты. Речь идет о различных акцентах и подходах, а не о принципиально несовместимых аналитических процедурах. Более того, во многих случаях продуктивным оказывается совмещение обоих подходов, поскольку «узнаваемость» элементов стиля предполагает их когнитивную обработку – соотнесение языковых моделей, форм и единиц с подвергшимися ментальной обработке данными, хранящимися в памяти. И в стилистической, и в когнитивно-прагматической моделях важным ресурсом является ассоциативный потенциал языковых единиц, как форма семантических сетей, существующих в сознании и репрезентирующих одну из моделей хранения знаний в памяти человека.

Итогом данного этапа исследования стало определение языкового конструирования гендера как когнитивной деятельности имплицитивно-инференционного характера, в которой язык играет двойную роль – неосознаваемого фона, фиксирующего гендерные стереотипы, идеалы и ценности посредством аксиологически не нейтральных структур языка, и инструмента, дающего возможность (вос)производства гендерных смыслов в социальной практике.

Тезис об амбивалентности языка как средства конструирования гендера (фон *vs* инструмент), на первый взгляд, проистекает из положения о двойственности объекта лингвистики, которую ощущали и отмечали многие лингвисты, от Гумбольдта до Хомского, выражая ее в разных дихотомических формулах – язык и речь, эргон и энергейя, схема и узус, код и сообщение, компетенция и употребление и т.д. Однако, говоря о фоновой и инструментальной ролях языка, мы исходим не из дихотомии языка и речи (эти термины используются здесь чисто условно для удобства разграничения системы и ее использования), а из триединства

языка, речи и мышления в социальном контексте, где мышление служит целям постепенного развертывания индивидуальной способности конструировать внутреннюю «модель» окружающего человека мира, в процессе чего производятся манипуляции с этой моделью, чтобы сделать заключения о развитии мира объективной действительности и установить возможные результаты возможных действий в отношении нее.

Между двуединой ролью языка как фона и инструмента конструирования гендера и двумя моделями его лингвистического описания нет прямой соотнесенности. Было бы значительным упрощением полагать, что изучение языка как фона конструирования гендера может/должно вестись преимущественно в рамках когнитивно-прагматической модели, а инструментальный аспект – изучаться лишь с позиций стилистического подхода. Объектом рассмотрения в рамках данных моделей могут быть оба аспекта языка, однако в каждом случае это будет анализ иного уровня: выводы, полученные при анализе в рамках одной модели, будут неоднозначны выводам, полученным в рамках другой.

На **четвертом этапе** исследования с опорой на ментальный лексикон, как средство доступа к продуктам переработки в памяти разностороннего опыта взаимодействия человека с миром, проанализирован пласт культурных представлений, определяющих роль языка как фона конструирования гендера – содержательной и ценностной основы контекстуальных импликаций и инференций.

Основой современной трактовки гендера как социального конструкта (набора черт и поведенческих стереотипов, характеризующих концепты мужественности и женственности в определенной культуре) является прототипическая теория категоризации, которая акцентирует роль человека и его опыта в этом процессе и подчеркивает, что

категоризация не обязательно осуществляется на основе общих признаков, объективно присущих членам категории.

Источником прототипического эффекта в гендерной категоризации являются социальные стереотипы, типичные случаи, знакомые примеры, идеалы, эталоны(образцы), которые метонимически представляя категорию в целом, действуют как точки когнитивной референции и создают основу для рассуждений, догадок, умозаключений. В той мере, в которой они формируют мнения и ожидания относительно того, какими являются или должны быть мужчины и женщины, можно говорить о размывании границ между стереотипичным и типичным, а также идеальным/знакомым/эталонным в гендерной категоризации.

В работе раскрыта роль метафоры в создании гендерной картины мира. Гипотеза о том, что гендерная метафора кодируется в грамматической системе языков, мотивируя формально-грамматический род существительных (S. Romaine), соотнесена с тезисом о «неслучайности наименований в культуре» (Ю.С. Степанов).

Важным с теоретической и методологической точек зрения является когнитивное обоснование перформативности гендера и множественности его проявлений. Когнитивной основой понимания мужественности и женственности как динамичных концептов, поддающихся социальному манипулированию и регулированию, являются кластерные модели. Они представляют собой пучок (*cluster*), психологически являющийся более базовым, чем каждая из моделей, взятая в отдельности, и определяют репертуар мужественностей и женственностей, имеющийся в распоряжении представителей данного языка и культуры.

Значительная часть знаний о гендере, как наборе поведенческих практик, оценок, мнений, предписаний, стереотипов, структурирована в форме пропозиций, включающих базовые концепты (мужчина/женщина, мужественность/женственность) и атрибутируемые им признаки

(свойства, действия). Гендерные пропозиции (*мужчина - субъект, женщина – объект; мужчины рациональны, женщины эмоциональны; мужчины сильные, женщины слабые и т.п.*) могут выражаться вербально (в форме афоризмов, лозунгов, сентенций) или представлять собой компоненты «скрытого» коммуникативного содержания, способные получать вербальное выражение, не будучи сами выражены словесно.

Значения, задаваемые гендерными пропозициями, не находятся в отношениях семантической близости. Их объединяет соотнесенность с единым центром – представлением о женственности (мужественности), характерным для данного общества и культуры. Этот способ категоризации представляют радиальные модели, состоящие из центрального члена и вариантов, между которыми существуют отношения взаимной выводимости на основе пропозициональной логики и силлогизмов. При этом варианты не могут быть выведены из центра с помощью какого-то общего правила (как в случае с натуральными числами или терминами родства); связь между ними конвенциональна – она определяется культурой и должна быть усвоена индивидом в процессе социализации.

Особенностью мужественности и женственности как радиальных концептуальных (семантических) категорий является то, что их центральные члены не существуют вне своих конкретных проявлений – вариантов. Нет мужественности и женственности в чистом виде («как таковых»), а есть лишь комплекс пропозиционально структурированных представлений о гендерных традициях и моделях поведения, характерных для данного общества и культуры. Гендерная идентичность конструируется в социальных (языковых) перформациях теми самыми проявлениями, которые считаются ее результатами.

Анализ асимметричных отношений в гендерной категоризации позволил выявить несколько типов асимметрии: (1) асимметрию,

проявляющуюся в отсутствии одного из категориальных контрагентов; (2) несовпадение смыслового объема категориальных контрагентов; (3) асимметрию внутреннего структурирования парных гендерных категорий; (4) асимметрию маркированного и немаркированного членов в категориях с ложными родовыми именами или «стирание» немаркированной (мужской) субкатегории и ее слияние с фоном, результатом чего может стать противоречивость концепта женщина не своему контрагенту мужчине, а человеку вообще.

Этнокультурная специфика асимметричных отношений в гендерной категоризации в той или иной мере проявляется в рамках каждого из выделенных типов. При этом межъязыковые асимметрии связаны не столько с отсутствием реалий, сколько с различиями в восприятии, структурировании и концептуализации мира представителями разных культур.

Гендерные асимметрии не просто постулируют различие, но и поддерживают определенную иерархию. В работе анализируются примеры социальной ранжированности гендерной категоризации, в рамках которой один из классов представлен как неавтономный или менее автономный. Данный тип асимметрии отражает стереотипную оценку женщин (женского) в патриархальной культуре и определяет тенденции словоупотребления, например, предпочтение женщинами мужского родового имени: *«Я не поэтесса. Я поэт»* (М. Цветаева). Это еще раз подтверждает, что гендер представляет собой набор социальных практик, посредством которых индивид конструирует и заявляет свою идентичность, а не только систему категоризации людей.

На заключительном, **пятом этапе** анализировалась роль языка как инструмента конструирования гендера в социальной практике (на материале предвыборного дискурса). Исследование позволило выявить, как конструируются «мужской» и «женский» голос в предвыборном

дискурсе, какие гендерные стереотипы при этом эксплуатируются, какие лингвистические средства используются, а также раскрыть роль гендерного фактора в формировании позитивного (негативного) образа кандидата на выборах.

С лингвистической точки зрения, предвыборная кампания – это сложное коммуникативное событие, происходящее между адресатом и адресантом в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контексте. Предвыборный дискурс вызывает модификацию коммуникативных задач, соответствующее изменение лингвистических стратегий и порожденного в данной коммуникативной ситуации текстового материала. Использование языка в функции воздействия выходит на первый план, а условия порождения текста выводят на поверхность то, что принято называть его прагматической или стратегической направленностью.

Исследование показало, что в предвыборном дискурсе апелляция к гендеру является частью дискурсивных стратегий агитации/дискредитации. Имеет место нормативное и манипулятивное конструирование гендера. В первом случае речь идет об осознанном или автоматическом следовании гендерным нормам – характерным для данной культуры представлениям об уместности или неуместности тех или иных речевых форм (моделей) для женщины или мужчины. Во втором – о намеренной эксплуатации гендерных стереотипов для оказания определенного воздействия на аудиторию. Под конструированием гендера понимался не только процесс и результат «встраивания» индивида в социально и культурно обусловленные модели мужественности или женственности, принятые в обществе на данном историческом этапе, но и любое дискурсивное (вос)производство гендерных смыслов, например, «адресная» стилистика предвыборных обращений, импликация оценки путем индексации пола, гендерно

релевантные приемы языковой демагогии, основанные на принципе ложной пресуппозиции и т.п.

Дискурсивное «построение» реальности предполагает влияние социокультурных знаний на социальные практики. Когнитивные метафоры, структурирующие политику как «мужскую» сферу («выборы – это война», «выборы – это спорт», «выборы – это азартная игра», «выборы – это роман (с избирателем)»), определяют логику предвыборной аргументации и характер политической борьбы, следствием чего является не только низкая представленность женщин в политике, но и то, что лингвистическое (само)позиционирование женщин-участниц предвыборного процесса происходит в рамках сильной («мужской») позиции. Сбалансированность политической и гендерной ролей достигается с помощью языковых маркеров смягчения и солидарности. В отдельных случаях реализуется установка на нейтрализацию гендерного параметра и акцентуацию профессиональной составляющей имиджа либо артикулируется идея нравственного превосходства «женской» политики (реверсивная гендерная асимметрия).

Распространенной стратегией дискредитации кандидата мужчины является акцентуация немужественности (*Глазьев плачется; Кэрри – мямля*). Стратегии дискредитации женщины-кандидата амбивалентны: эксплуатируется как соответствие, так и несоответствие традиционным стереотипам женственности («с прической мальчика-пятиклассника»; «это не парад мод, а политическая дискуссия»). Установлено, что гендерный параметр релевантен как в (само)позиционировании, так и при выборе позиции для критики оппонента. При этом обнаруживается зависимость интенсивности конструирования гендера от стилистической тональности речи: наиболее эксплицитно гендерная тематика представлена в продуктах «черного пиара», предвыборных блогах и на Интернет-форумах, где нюансы предвыборной борьбы и личности

кандидатов обсуждаются в неформальной, фамильярной и/или полемически заостренной форме.

Одним из ключевых понятий при анализе дискурсивного конструирования гендера является позиционирование. Позиционирование читателя (избирателя) в предвыборных дискурсивных практиках может принимать различные формы: прямое обращение к читателю, задающее субъектные позиции деиктически и/или номинативно; полупрямое обращение – позиционирование читателя тематикой и/или жанром материалов; и косвенное позиционирование (в форме опосредования и культурных кодов), которое предполагает, что для адекватного понимания текста читатель должен занять определенную (гендерно не нейтральную) позицию.

В российском предвыборном дискурсе прямое позиционирование избирателя обычно носит метагендерный характер, однако гендерные смыслы присутствуют на уровне культурных кодов, воспроизводящих традиционные стереотипы мужественности и женственности, характеризующиеся высокой степенью устойчивости. В американских предвыборных практиках позиционирование избирателя является гендерно дифференцированным и конструирует социальную реальность, в которой гендер и идея равенства возможностей более значимы и заметны.

Одной из форм конструирования гендера в печатных СМИ являются письма избирателей – разновидность предвыборной агитации, целью которой является воздействие на избирателей «голосом» самих избирателей. В них с помощью разнообразных лингвистических средств (вос)производятся традиционные патриархатные стереотипы о мужчинах, как сильных, решительных, знающих и т.д., и женщинах, как слабых, неуверенных, нуждающихся в помощи. Культурная «узнаваемость» данных стереотипов служит «гарантией» подлинности (достоверности) публикуемой точки зрения.

Анализ печатных материалов показывает, что в предвыборном дискурсе женщина чаще, чем мужчина конструируется как *объект* (или жертва) внешних действий или решений; мужчина преимущественно представлен как *субъект*, принимающий решения или оказывающий воздействие. Подобные репрезентации конструируются за счет вербальных и невербальных средств. К лингвистическим средствам объективации женщин в предвыборном дискурсе относятся *синтаксическая организация предложений* – представление лица как субъекта или объекта действий; использование дативных и безличных конструкций, отражающих эмоции или переживания; *грамматическая форма предикатов (залог, наклонение, модальность)*, ср: «никак не успокоюсь...», «хочу разобраться...», «стала задумываться...»; «я решил..., уверен...», «одобряю...»; «мы должны» и т.п. Важным фактором, определяющим репрезентацию «женского голоса» в предвыборном дискурсе является семантика глагольных предикатов или так называемая *транзитивность* (по М.А.К. Халлидею) – выбор глагольных предикатов с целью определенным образом представить лицо в системе связей и отношений с окружающим миром. Анализ транзитивности предполагает рассмотрение характера действий: Какие действия представлены в тексте? Кто является субъектом (производит их)? Кто является объектом? На кого направлены действия? Модель анализа основана на семантической классификации глагольных предикатов по характеру производимого действия/процесса: материальный / ментальный; намеренный/вынужденный, замкнутый внутри / направленный вовне и т.д. Транзитивность в данном случае не эквивалентна переходности в традиционной грамматике, хотя, касаясь лингвистических манифестаций ролей участников и способов их взаимодействия друг с другом, она неизбежно фокусируется на

агентивности, актуализируя гендерно значимые стереотипные смыслы объект/субъект, активность/пассивность.

Механизмы конструирования гендера в разных языках обнаруживают как изоморфизм, так и специфику, которая может быть связана с характерологическими особенностями языков и/или с различиями транслируемых ими культурных смыслов. Например, в английском языке женская референция ложных родовых имен (*neighbor = she*) может служить сигналом эгалитарного гендерного позиционирования, а в русском – использование лексем женского рода («начальница», «бизнесменша») при потенциально возможной и контекстуально уместной метагендерной референции имплицитно негативную оценку. В последнем случае маркированный характер женской формы, выступающей в роли «фигуры» на «фоне» метагендерной формы³, делает ее своеобразной «экспрессивной заготовкой языка» (В.Н. Телия), способной путем встраивания в структуры знания о мире – прототипы, фреймы, сценарии, являющиеся своего рода концептуальными посредниками между собственно языковым значением и обозначаемой действительностью – актуализировать гендерные представления и связанные с ними ценностные асимметрии.

Релевантными параметрами дискурсивного конструирования гендера могут служить тематика текстов, семантика языковых форм и культурная семиотика ролей/качеств/действий, гендерно маркированные инодискурсивные вкрапления (стилизация), агентивность и пр. Дискурсивное построение образа предполагает постоянный «диалог» символических и эмпирических конструкторов мужественности и женственности, в котором индивидуальные предпочтения соотносятся с

---

³ Перцептивная организация «фигура – фон» лежит в основе оценки релевантности сообщаемого. Мы автоматически обращаем внимание на то, что является в данной ситуации более значимым.

социальными ожиданиями, демонстрируя диалектическое единство изменчивости и устойчивости гендера как культурного конструкта.

Наиболее типичными маркерами маскулинности в предвыборном дискурсе являются идентифицирующие и оценочные номинации, политические ярлыки, гендерно значимые аллюзии и антитезы, эпитеты и предикаты, конструирующие культурно значимые гендерные смыслы. Феномен мужественности как фактор имиджевой стратегии более эксплицирован в американском предвыборном дискурсе, о чем свидетельствует высокая частотность употребления слов *masculine*, *masculinity*, *male* в предвыборных текстах разных регистров.

В американском предвыборном дискурсе четче, чем в русском, выражена оппозиция традиционного и нового типов женственности, где первый представляет культурный идеал жены и матери, а второй акцентирует социальную активность, самостоятельность и независимость. Одним из важных инструментов гендерного (само)позиционирования в данном случае является вербальный стиль, специфика которого связана, в частности, с феноменом агентивности.

Исследованием установлено, что релевантность информации в предвыборной апологетике и критике имеет гендерное измерение. Акцентуация внешности, эмоций, одежды и пр. может служить инструментом гендерного позиционирования. С учетом этого, введение гендерного параметра в лингвистическое рассмотрение не только полезно, но и необходимо: без него невозможно построение адекватного контекста интерпретации.

Одним из важных теоретических итогов исследования стал вывод о том, что *языковое конструирование гендера имеет разные уровни экспликации*. Наиболее очевидным (семантически прозрачным) является номинативный способ — использование гендерно маркированных лексических единиц, содержащих в той или иной форме указание на пол

референта. Данный способ редко используется в чистом виде; он, как правило, сопровождается (вос)производством гендерных смыслов в виде контекстуальных импликатур — дискурсивных значений, создаваемых в процессе коммуникации с опорой на гендерные стереотипы, ассоциации, представления. Наименее прозрачным является конструирование гендера, использующее внутривидовые механизмы языка (дискурса), такие как синтаксическая организация предложений, грамматическая форма предикатов (залог, модальность), выборы транзитивности, когнитивные метафоры, стилизация, агентивность и пр. В предвыборном дискурсе контекстуальные гендерные импликации играют важную роль в языковом манипулировании сознанием — использовании особенностей языка и принципов его употребления с целью скрытого воздействия на адресата в нужном направлении.

Конструирование гендера в различных видах социальной практики имеет свою специфику. В предвыборном дискурсе гендер является необходимой частью имидж-проектирования, в рамках которого конструирование мужественности и женственности становится «товаром» предназначенным для определенного потребителя — мужчин и женщин-избирателей, сторонников традиционного распределения гендерных ролей или нового гендерного порядка. Роль языка при этом не ограничивается общением в узком смысле слова (прием-передача информации) или хранением и передачей знаний. Язык строит жизнь общества и является частью этой жизни.

К числу основных результатов диссертационного исследования следует отнести разработку теоретической концепции языкового конструирования гендера и моделей его лингвистического описания, когнитивное обоснование перформативности и моделируемости гендера как социокультурного конструкта, систематизацию асимметричных отношений в гендерной категоризации, выявление типичных контекстов

конструирования гендера в дискурсе, разработку и апробацию взаимодополняющих моделей изучения языкового конструирования гендера на базе современных лингвистических теорий, выявление и описание эксплицитных и имплицитных языковых механизмов конструирования гендера в дискурсе.

Итоги исследования являются вкладом в разработку системного, научно обоснованного комплекса взаимодополняющих методик изучения гендера с помощью понятийного аппарата лингвистики, способствуют углублению представлений о языке как средстве конструирования социальной реальности и укреплению теоретической и методологической базы лингвистической гендерологии как одного из приоритетных направлений антропоориентированного изучения языка.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Гриценко, Е.С. Язык. Гендер. Дискурс: Монография / Е.С. Гриценко. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2005. – 267 с. (15, 57 п.л.).
2. Гриценко, Е.С. Гендерные аспекты позиционирования читателя в предвыборном дискурсе / Е.С. Гриценко // Филологические науки. – 2005. – № 4. – С. 70 – 76 (0,4 п.л.).
3. Гриценко, Е.С. Образная составляющая в гендерной категоризации / Е.С. Гриценко // Вестник Нижегородского университета им. Н.А. Лобачевского. Сер. Филология. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2005. – Вып. 1(6). – С. 143 – 150. (0, 6 п.л.).
4. Gritsenko E. What's in a (sur)name?: Women, marriage, identity and power across cultures // Elena Gritsenko, Diana Boxer // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – № 2. – С. 32 – 47 (1 п.л.).

5. Гриценко, Е.С. Пропозициональные модели как способ конструирования знаний о гендере / Е.С. Гриценко // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – № 2. – С. 45 – 51. (0,6 п.л.).
6. Гриценко, Е.С. Типология асимметричных отношений в гендерной категоризации / Е.С. Гриценко // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. — Н. Новгород: НГЛУ, 2005. – Вып. 1. – С. 62 – 70 (0,7 п.л.).
7. Гриценко, Е.С. Стереотипы в «ранних» исследованиях языка и гендера и основные принципы современного подхода / Е.С. Гриценко // МОСТ (язык и культура) – BRIDGE (language and culture). – Набережные Челны, 2005. – № 14. – С. 30 – 36. (0,55 п.л.)
8. Гриценко, Е.С. Метафора и гендер в концептуализации выборов / Е.С. Гриценко // Актуальные проблемы коммуникации и культуры: Сб. науч. тр. российских и зарубежных ученых. – Москва-Пятигорск: Пятигорск. гос. лингв. ун-т, 2005. – Вып. 2. – С. 193 – 197 (0,4 п.л.).
9. Гриценко, Е.С. Кросс-культурные асимметрии в гендерной категоризации / Е.С. Гриценко // Язык и межкультурная коммуникация: Материалы Второй межвузовской научно-практической конф., 29 – 30 марта 2005. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2005. – С. 35 – 40 (0,5 п.л.).
10. Гриценко, Е.С. Стилистические аспекты конструирования мужественности в американском предвыборном дискурсе / Е.С. Гриценко // Стилистика текста: Межвуз. сб. науч. тр. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2005. – С. 25 – 29 (0,5 п.л.).
11. Гриценко, Е.С. Стереотипы языкового сознания и вербальная агрессия в неформальном общении / Е.С. Гриценко // Теория и

- практика лингвистического описания разговорной речи: Межвуз. сб. науч. тр. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2005. – Вып 24. – С. 51 – 58. (0,4 п.л.).
12. Гриценко, Е.С. Стилистика предвыборного дискурса и гендер / Е.С. Гриценко // Стилистика и теория языковой коммуникации: Тез. докл. международной конф., посвященной 100-летию со дня рождения профессора МГЛУ И.Р. Гальперина, Москва 20 – 21 апреля 2005. – М., 2005. – С. 73 – 75 (0,2 п.л.).
13. Гриценко, Е.С. Язык и гендер в антропологии и антропологической лингвистике / Е.С. Гриценко // Человек и языковое пространство. Аспекты взаимодействия: Межвуз. сб. науч. тр. к 60-летию проф. В.М. Бухарова. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2004. – С. 194 – 201 (0,55 п.л.).
14. Гриценко, Е.С. Гендер и категоризация в социокультурной практике / Е.С. Гриценко // Мужчина и женщина в современном обществе: Сб. статей / Под ред. Л.Э. Семеновой. – Н. Новгород: МГЭИ (Нижегородский филиал). – 2004. – Вып. 1 – С. 5 – 17 (0,75 п.л.).
15. Гриценко Е.С. Гендер, референция и проблема метафорического рода / Е.С. Гриценко // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: Межвуз. сб. науч. тр. – Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2004. – Вып. 23. – С. 71 – 78 (0,4 п.л.).
16. Гриценко Е.С. Гендер и этничность: стереотипы восприятия и факторы, влияющие на их формирование / Е.С. Гриценко, Ю.В. Гончаренко // Психолингвистические основы словоупотребления и слововосприятия на уроках иностранного языка: Межвуз. сб. науч. ст. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2004. – С. 44 – 53. (0,5 п.л.).
17. Гриценко, Е.С. Гендерные аспекты национальной идентичности в российском предвыборном дискурсе / Е.С. Гриценко // Journal of

- Eurasian Research, Winter 2003. – Vol. 2. – № 1. – С. 71 – 82 (0,75 п.л.).
18. Гриценко, Е.С. Безопасность и гендер в языковой картине мира / Е.С. Гриценко // Гендерные аспекты безопасности в регионах Приволжского федерального округа: Материалы исследовательского проекта / Под ред. А.С. Макарычева и О.С. Романовой. – Н. Новгород: Центр соц.-эк. экспертизы и Женская сетевая программа ИОО, 2003. – С. 67 – 85 (1 п.л.).
  19. Гриценко, Е.С. Гендер в семантике слова / Е.С. Гриценко // Гендер: Язык, Культура, Коммуникация: Материалы Третьей международной конф., Москва, 27 – 28 ноября 2003. – М., 2003. – С. 13 – 14. (0,1 п.л.).
  20. Гриценко, Е.С. Семантика и прагматика феминистского словотворчества / Е.С. Гриценко, А.О. Лалетина // Лингвистические основы межкультурной коммуникации: Материалы международной науч. конф., Нижний Новгород, 14 – 15 ноября 2003г. – Н. Новгород, 2003. – С. 63 – 65. (0, 1 п.л.).
  21. Гончаренко, Ю.В. Гендерные стереотипы американской и русской ментальности / Е.С. Гриценко, Ю.В. Гончаренко // Лингвистические основы межкультурной коммуникации: Материалы международной науч. конф., Нижний Новгород 14 – 15 ноября 2003 г. – Н. Новгород, 2003. С. 62 – 63. (0,1 п.л.).
  22. Гриценко, Е.С. Гендер в английской фразеологии: асимметрии и стереотипы / Е.С. Гриценко // МОСТ (язык и культура) – BRIDGE (language and culture). – Набережные Челны, 2003, № 11 – С. 11 – 15 (0,4 п.л.)
  23. Гриценко, Е.С. Гендер и лингвистика субъязыков / Е.С. Гриценко // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: Межвуз. сб. науч. тр. – Н. Новгород: изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2003. – Вып. 22. – С. 47 – 57 (0, 5 п.л.).

24. Гриценко, Е.С. Гендерные аспекты английской идиоматики: асимметрии и стереотипы / Е.С. Гриценко, А.А. Плутенко // Язык. Культура. Деятельность: Восток – Запад: Тез. докл. Третьей международной науч. конф., Набережные Челны, 18 – 19 сентября 2002 г. – Набережные Челны, 2002. – С. 50 – 53. (0,1 п.л.).
25. Гриценко, Е.С. Два пола, две культуры: гендерные аспекты коммуникации / Е.С. Гриценко // Социальные варианты языка: Материалы международной науч. конф., Нижний Новгород, 25 – 26 апреля 2002 г. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2002. – С. 50 – 53 (0,3 п.л.).
26. Гриценко, Е.С. Интернет в учебно-исследовательской работе по лингвистической гендерологии / Е.С. Гриценко // Компьютерные технологии в обучении иностранным языкам: Материалы межвузовской научно-практической конф. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2002. – С. 42 – 46 (0,3 п.л.).
27. Гриценко, Е.С. Как сделать гендерную проблематику реальностью учебных планов / Е.С. Гриценко // Университетский ученый в «мультиверсуме» современной культуры: Материалы конф. Российской ассоциации выпускников Программы Фулбрайта, Ярославль 19 – 20 апреля 2002 г. – М., 2002. – С. 135 – 139 (0,3 п.л.).
28. Gritsenko, E. Conceptualizing New Realities: from Soviet to Post-Soviet / Elena Gritsenko // Travelling Concepts: Meaning. Frame, Metaphor: Proceedings of International Conference, March 6 – 7, 2001. – Amsterdam: University of Amsterdam, School for Cultural Analysis, 2001. – P. 70 – 76. (0,8 п.л.).
29. Гриценко, Е.С. Гендерные парадигмы в обучении английскому языку / Е.С. Гриценко // Ценностно-мотивационные и содержательные аспекты преподавания иностранных языков в неязыковом вузе: Сб.

материалов конф. – Н. Новгород: НФ ГУ-ВШЭ, 2001. – С. 12 – 13.
(0,1 п.л.).

30. Гриценко, Е.С. Метафора как средство создания поэтического мифа / Е.С. Гриценко, Н.В. Сакеева // Теория и практика германских и романских языков: Материалы Всероссийской научно-практической конф. Часть 1. – Ульяновск, 2000. – С. 11 – 14 (0,3 п.л.).

Лицензия ПД № 18-0062 от 20.12.2000
Подписано в печать 10.09.05. Формат 60x84.16
Печ. л. 2.0 Тираж 100 экз. Заказ №

Типография НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а